

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И СУДЬБА ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Сокулер Зинаида Александровна – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: zasokuler@mail.ru

Предлагается посмотреть на историческую эпистемологию как на исторически сложившееся наименование для различного комплекса философских, социологических, исторических исследований науки, объединяемых общей эпистемологической ориентацией – **эпистемологическим антифундаментализмом**. Последний защищается от обвинений в крайнем релятивизме.

Ключевые слова: историческая эпистемология, эпистемологический антифундаментализм, история науки, критический рационализм, философия науки, плоская онтология, релятивизм, объективность, субъективность

HISTORICAL EPISTEMOLOGY AND THE FATE OF THEORY OF KNOWLEDGE IN PHILOSOPHY

Zinaida Sokuler – DSc in Philosophy, professor. Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: zasokuler@mail.ru

Historical epistemology is argued to be viewed as a historically formed name for a heterogeneous complex of philosophical, sociological, historical studies of sciences, which are integrated by their common epistemological orientation – **epistemological anti-foundationalism**. The latter is defended against the accusations of the extreme relativism.

Keywords: historical epistemology, epistemological foundationalism, history of science, critical rationalism, philosophy of science, flat ontology, relativism, objectivity, subjectivity

Заметки С.М. Гавриленко, как он сам признается, мотивированы статьей Л.В. Шиповаловой «Стоит ли мыслить науку исторически?». Поэтому, говоря о высказываемых Станиславом Михайловичем соображениях, я не могу не выразить отношение к позиции, защищаемой Ладой Владимировной, которую она описывает как основные тезисы и утверждения «исторической эпистемологии». Я полностью разделяю эту позицию, а авторов, на которых ссылаются Станислав Михайлович и Лада Владимировна, объясняя, что такое историческая эпистемология, воспринимаю как своих учителей и единомышленников.

Но при этом термин «историческая эпистемология» мне представляется исторически, т. е. контингентно сложившимся наименованием для определенного способа смотреть на науку, который не связан необходимым образом с работой именно историка науки. Поэтому вопрос в формулировке «Стоит ли мыслить науку исторически?» может увести в сторону от того, что действительно стоит на кону.

Станислав Михайлович в примечаниях 1 и 8 напоминает, что историей науки занимались люди, имевшие самые разные философские представления. Известно, что О. Конт чрезвычайно интересовался

историей науки и в этом он был наследником французских просветителей, которые активно обращались к истории науки и техники. Историей науки основательно занимались Э. Мах и П. Дюгем.

Но подобные обращения к истории науки опирались на представление о ней как о последовательной реализации предзаданных норм и принципов, которые и составляют научность как таковую, или «научную рациональность», как стали говорить позднее. Эти нормы и принципы мыслились не просто как характерные черты науки: они одновременно должны были являть мощь, достоинство и необходимость научного знания. Эти нормы и принципы, как и их результат – научное знание, – мыслились как наилучшие из возможных.

Такое сочетание представлений хорошо гармонирует с идеей трансцендентального субъекта как носителя названных принципов и норм, но в общем, обходится и без трансцендентального субъекта. Конт, Дидро, Мах, Дюгем и множество историков науки, индуктивизм, конвенционализм, критический рационализм обходились без такого субъекта.

Таким образом, дело не в том, рассматривать ли науку в диахроническом или в синхроническом срезе, а в разрушении веры в особую логику науки, особую научную рациональность, в демаркационную линию между «внутринаучными» и «вненаучными» факторами. Люди, которые осуществили это разрушение, и их аргументация хорошо известны (Поппер, Лакатос, Фейерабанд, Кун и их единомышленники), так что, думаю, можно даже и не повторять их главные аргументы, к тому же для этого все равно здесь нет места (см. например [Сокулер, 2010]).

Станислав Михайлович видит причину произошедшего изменения образа науки в том, что философия утратила монополию на исследование процессов познания, прежде всего, благодаря социологии, которая вторглась в область исследований научного знания.

Роль социологии нельзя не признать. Но в то же время, и социология науки может опираться на разные эпистемологические позиции. Недаром Блур жалуется, что «в действительности, социологи только и делали, что чересчур рьяно ограничивали свой подход к науке ее институциональной структурой и внешними факторами, связанными с направлением или уровнем ее развития. Это оставляет незатронутым сущность таким образом произведенного знания» [Блур, 2003, с. 162 – 163].

Мне кажется, что, оглядываясь в поисках причин и истоков происходящих – или уже произошедших – изменений доминирующего образа науки, нельзя упускать из виду *научную революцию конца XIX – начала XX в.* Именно это событие потрясло и надломило господствовавшую до того «оптику», в которой воспринималась наука. Доломали ее всем известные авторы – постпозитивисты вкупе с называемыми Станиславом Михайловичем социальными мыслителями.

Важно подчеркнуть данное обстоятельство, чтобы не складывалось впечатление, будто причиной изменившегося образа науки является только деятельность тех или иных эпистемологов или социологов.

Изменившаяся «оптика» позволила узреть прорехи в предлагавшихся до того объяснениях работы науки; а сквозь эти прорехи стало видно много такого, что раньше и не осмелились бы отнести к факторам ее развития, от метафизических представлений до отношений власти, гендерных предрассудков, борьбы за гранты и патенты и т. д.

Представление, что задача философского рассмотрения знания заключается в подведении под него незыблемого основания («философский фундаментализм»), невозможно поддерживать после научной революции конца XIX – начала XX в. Можно выбирать, обращаться ли к истории науки или к современным процессам в ней; но у эпистемологов уже нет выбора, работать в русле философского фундаментализма или отказаться от него. Поэтому я бы говорила не только об «исторической эпистемологии», но вообще об «эпистемологическом антифундаментализме», (см. также [Сокулер, 1988]). Думаю, что Лада Владимировна Шиповалова и Станислав Михайлович Гавриленко защищают именно этот последний тезис, и я рада найти единомышленников в их лице.

Но почему антифундаменталистская эпистемологическая «оптика» вызывает тревогу и растерянность (о чем пишет Станислав Михайлович)? Мне видятся два источника таких переживаний.

Во-первых, это обвинение в релятивизме, от которого нельзя так просто отмахнуться. Недаром Лада Владимировна затрагивает вопрос о цене, которую придется заплатить за «безжалостный историзм» и риторически вопрошает от лица противников «исторической эпистемологии»: «Стоит ли такое истолкование оснований науки сопутствующих ему опасностей релятивизма? Не следует ли произвести отбор и избавить историческую эпистемологию от тех форм, которые ведут к релятивизму, и, поставив границы историческому мышлению науки, удерживать себя под контролем универсального разума в не-проблематичной историчности?»).

В ответ на подобные обвинения и причитания эпистемологических фундаменталистов я бы посоветовала своим единомышленникам не принимать так покорно обвинений в безбрежном и безудержном релятивизме. Историческая обусловленность и изменчивость научного знания не означает, что любые утверждения признаются одинаково ненадежными. Так, еще К.Поппер повторял, что хотя все утверждения в науке являются предположениями, но одни предположения лучше других, потому что лучше выдерживают критические проверки; следовательно, рационально выбирать именно их, однако при этом не забывать, что они все равно остаются предположениями (ср.: [Поппер, 2002, с. 23–32]).

У нас сейчас много говорят о Бруно Латуре и его «плоской онтологии». Латур защищает активную роль «не-человеков» именно для того, чтобы преодолеть релятивизм! Выдвижение и продвижение любого тезиса в науке является, как он показывает, *испытанием сил* между сторонниками и защитниками данного тезиса. Подобные испытания и происходят по большей части в научных лабораториях. Результатом является объективность принимаемых в науке утверждений. «Объективность означает, что какие бы усилия ни прикладывали сомневающиеся, чтобы разорвать связи между вами и тем, что вы представляете, эти связи выдерживают проверку» [Латур, 2013, с. 134]. Защита идеи, что принимаемые в науке утверждения могут быть объективными, у Латюра хорошо сочетается с напоминанием о том, что «эти два определения (“объективный” и “субъективный”) *относительны* и определяются исходом и конкретными условиями состязания в силе <...> они могут постепенно изменяться, переходя от одной к другой, подобно балансу сил при столкновении двух армий» [Латур, 2013, с. 135]. Таким образом, релятивизм «исторической эпистемологии» вовсе не подразумевает, будто все принимаемые в науке положения беспочвенны. Латур показывает нам пример релятивизма, сочетающегося с глубоким уважением к науке, признанием того, что ее результаты добываются упорным трудом и имеют важное значение для человечества.

Во-вторых, *тревогу вызывает судьба философской теории познания*. Способна ли она сохранить свою идентичность, перестав быть фундаменталистской и выйдя на поле, где уже так уверенно и продуктивно хозяйничают эмпирические подходы, будь то история науки, социология науки, когнитивные науки?

Судя по всему, философскую теорию познания ждет судьба онтологии, которой пришлось уступить вопросы об устройстве реальности экспериментальному естествознанию. Но ведь история онтологии на этом не завершилась! Для нее началась новая жизнь с фундаментальной онтологией Хайдеггера, которая изменила не только словарь онтологии, но и самый ее смысл. Я не теряю надежду на то, что с теорией познания может произойти что-то подобное.

Список литературы

Блур, 2002 – *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 162–185.

Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Поппер, 2002 – *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.

Сокулер, 1988 – Сокулер З.А. Проблема обоснования знания. Гносеологические концепции Л. Витгенштейна и К. Поппера. М.: Наука, 1988. 176 с.

Сокулер, 2010 – Сокулер З.А. Философия науки: что же дальше? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 95–106.

Шиповалова, 2017 – Шиповалова Л.В. Стоит ли мыслить науку исторически? // *Epistemology & philosophy of science* / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18–28.

References

Bloor, D. “Sil’naya programma v sotsiologii znaniya” [The strong program in the sociology of knowledge], *Logos*, 2002, No. 5–6 (35), pp. 162–185. (In Russian)

Latour, B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in action. How to Follow Scientists and Engineers through Society]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 2013. 414 pp. (In Russian)

Popper, K. *Ob’ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod* [Objective knowledge: and evolutionary approach]. Moscow: Editorial URSS, 2002. 384 pp. (In Russian)

Sokuler, Z. A. *Problema obosnovaniya znaniya. Gnoseologicheskie kontseptsii L. Vitgenshteina i K. Poppera* [The problem of knowledge justification. Gnoseological concepts of L. Wittgenstein and K. Popper]. Moscow: Nauka, 1988. 176 pp.

Sokuler, Z. A. “Filosofiya nauki: chto zhe dal’she?” [Philosophy of science: what’s next?], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2010, No. 3, pp. 95–106. (In Russian)

Shipovalova, L. V. “Stoit li nauku myslit’ istoricheski?” [Should we conceive historically?], *Epistemology & philosophy of science*, 2017, Vol. 51, No. 1, pp. 18–28. (In Russian)